

АРХИВ

АРХИВ

ДЕЛО №: 002

АРХИВ

Дата

Дмитрий Соловей

Архив

«Автор»

2026

Соловей Д.

Архив / Д. Соловей — «Автор», 2026

В мире, где ИИ победил болезни, старение и саму смерть, каждый человек ежедневно сохраняет свою личность в цифровом архиве. Если система обнаруживает угрозу будущему счастью, достаточно заменить человека его предыдущей, более благополучной версией. Без боли, без страха, без права на сомнение. Элисон Кемп всегда считала свою жизнь идеальной - пока однажды её муж не вернулся домой с чужим шрамом. Начав расследование, она обнаруживает страшную правду о мире, в котором даже память больше не принадлежит человеку.

© Соловей Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Пятьдесят восемь секунд	5
2. Новый стакан	8
3. Шрам	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дмитрий Соловей

Архив

1. Пятьдесят восемь секунд

В доме Кемпов устройство для архивации находилось в ванной комнате и было одним целым с душевой кабиной. Молочное стекло, скруглённые углы, тёплый свет по нижней кромке — человек из прошлого вероятно и не замели бы разницы. Оно использовалось уже одиннадцать лет и за это время сломалось один раз если это вообще можно было назвать поломкой — сгорело два светодиода подсветки, пришёл техник, поменял, отказался от кофе и уехал.

В шесть сорок утра Элисон спустилась вниз, и первое, что она сделала, — включила кофе машину, а второе — посмотрела на скромную надпись отобразившуюся на информационной панели:

ДОРОГАЯ ЭЛИСОН, НЕ ЗАБУДЬ ПРОЙТИ АРХИВАЦИЮ

— А я уже прошёл, сейчас спущусь, сделай мне двойное — крикнул сверху Майкл, из душа, сквозь шум воды.

— Ты слишком предсказуем, — улыбнувшись сказала Элисон, отметив для себя что каждый день словно сюжет из старого фильма “День сурка”.

Дэвид уже сидел за столом и ел хлопья, поставив локти по обе стороны миски, как ему сто раз запрещали и как он делал всю жизнь. Семнадцать лет, метр восемьдесят шесть, такая же ямочка на подбородке, как у отца.

— Ты уже? — спросила она.

— Первый, — сказал Дэвид, не поднимая головы. — Пятьдесят восемь плюс три.

Это была детская игра, которую никто не отменял: попытаться не дышать все пятьдесят восемь секунд. Пятьдесят восемь и три означало, что он продержался на три секунды больше.

Когда Дэвиду было шесть, устройство включало ему мультфильм с выдрой по имени Арчи, которая пела песенку про то, как хорошо всё помнить. Мелодию Элисон не могла выкинуть из головы уже двенадцать лет и автоматически напевала её во время каждой архивации:

Помни, помни — раз, два, три!

Всё хорошее храни!

Арчи помнит — помни ты,

Память — лучший друг в пути!

Майкл спустился через десять минут, в рубашке, с мокрыми волосами, взял свою чашку, поцеловал её в висок и сказал:

— Ну вот. Теперь можно спокойно жить.

Он повторял это каждое утро — кажется, последние лет восемь. Шутка была, мягко говоря, так себе, но Элисон всё равно улыбалась. Не из-за искромётного юмора, а потому что он её любил, да и жизнь их текла удивительно гладко. Их уютный Норвелл словно накрыло невидимым стеклянным куполом от любых мировых невзгод, а семейная идиллия развивалась строго по методичке об «американской мечте»: аккуратный белоснежный штакетник, безупречно выглаженный газон и стойкое чувство, что где-то за кадром уже аплодирует невидимый зритель.

Держа в руке кофе она поднялась в ванную комнату, разделась и открыла дверцу душевой кабины совмещенной с устройством. Внутри пахло едва заметным ароматом хвойного шампуня смешанным с тем самым изысканным, кондиционированным запахом свежести, которым пахли все хорошие вещи в этом мире. Встала на обозначенное место. Дверца мягко сошлась.

— Доброе утро, Элисон, — произнёс голос и, словно улыбнувшись, добавил: — Всего пятьдесят восемь секунд.

Сканирование ощущалось как очень слабое тепло в пазухах и медный привкус под языком. Волоски на предплечьях вставали дыбом, и это было даже приятно. За пятьдесят восемь секунд система снимала всё: положение каждой клетки, состояние органов, ДНК с поправками на дневные повреждения, полную карту нейронных связей, текущие воспоминания и то, что в документации называлось «эмоциональным профилем», а в рекламе — «вашим сегодняшним настроением».

Элисон обычно использовала эти пятьдесят восемь секунд, чтобы составить список дел. Сегодня она вспомнила, что надо купить лампочки в гараж и что у Дорис Валенти в субботу годовщина.

БИИП.

АРХИВ ОБНОВЛЕН.

Сканирование завершилось, теперь можно просто принять душ.

Тут стоит сделать небольшое отступление и сказать пару слов о Норвелле, штат Мэн, — пожалуй, единственной точке на карте, имеющей значение в нашей истории.

Четыре тысячи двести человек. Залив, две пристани, кленовая аллея, за которую город когда-то дрался с дорожным управлением и выиграл. Больницы не было — больница осталась в Портленде и работала в основном как музей. Аптека закрылась, потому что аптеки закрылись везде: единственное, что люди принимали внутрь, лежало в автоматах по доллару за месячную упаковку, синие кружки, восемь миллиграммов, вкус мела и лайма.

Никто не болел. Никто, кроме сектантов-отказников, не старел. Никто не ссорился — то есть люди, конечно, спорили, кому в этом году ставить палатку для ярмарки, но спорили так, как обычно говорят о погоде, и уже через минуту находили компромисс. Спасибо синим кружкам: они не только продлевали молодость, но и делали людей максимально устойчивыми к стрессу.

Работали, если хотели. Элисон хотела: три дня в неделю она вела занятия в Центре раннего развития на Милл-стрит. По образованию она была дефектологом — специалистом по нарушениям развития у детей, — и этой профессии больше не существовало, потому что нарушения развития правили за одиннадцать недель до рождения. Так что в Центре она раскладывала подушки, пела с четырёхлетками про паровозик и следила, чтобы никто не съел пластилин. Ей нравилось. Иногда она доставала из ящика свои старые бумажные тетради с наблюдениями — карточки, зеркала, счёт слогов, — и ей делалось странно и тепло, как бывает от школьных фотографий.

Кладбище на холме было закрыто с тридцать восьмого. Городской катафалк выкупил Рэй Валенти и возил в нём мебель, и всем это казалось смешным, и это действительно было смешно.

И в каждом доме, в углу кухни или в прихожей, иногда совмещенное с душевой кабиной или как в старых домах — просто в гараже, стояло устройство с молочным стеклом.

Никто не считал это чем-то особенным. Это была гигиена. Как чистить зубы. Пропустишь день — система вежливо напомнит. Пропустишь два — приедет техник в белом и очень заботливо проверит, не сломалась ли дверца, не нужна ли помощь... Не то чтобы кто-то пропускал. Зачем?

Подростки, разумеется, придумали себе легенду. Считалось, что если заархивироваться, а потом сделать что-нибудь совсем безумное — например, прыгнуть в карьер с верхнего уступа, — то ничего не будет: тебя просто вернут, и ты даже не заметишь. Будешь думать что и не прыгал вовсе. Это называлось «ресетнуться». Никто из знакомых Элисон этого не делал — не только потому, что над карьером висели дроны, вежливо просившие отойти от края, но и

потому, что в конечном счёте это выглядело так же нелепо, как и всё запрещённое. Майкл иногда меланхолично замечал Дэвиду: — В наше время, чтобы ресетнуться, просто пили или курили. Тот не обращал внимания и про себя думал: «А ещё на мамонтов охотились».

2. Новый стакан

Во вторник Элисон вернулась домой в четверть седьмого.

Она помнит эту четверть седьмого до последней мелочи, потому что потом прокрутила её в голове, наверное, тысячу раз.

Гараж открыт. Машина Майкла на месте. В прихожей его ботинки, оба, носками к стене, как он всегда ставил. Куртки нет. Свет на кухне включён, свет в гостиной выключен, наверху играет музыка — Дэвид.

— Майкл?

Тишина.

Она поднялась. Дэвид лежал на кровати с телефоном, ноги на стене, и был абсолютно обычным семнадцатилетним человеком.

— Где папа?

— Не знаю, — сказал Дэвид.

— Он был дома?

— Наверное. — Он не отрывался от телефона параллельно слушая музыку.

Она спустилась. И тут её профессиональная привычка — та самая, за которую ей когда-то платили: замечать мелкое, несоответствующее, выпадающее из паттерна, — включилась сама, без спроса, как включается свет в коридоре от движения.

На сушилке стоял стакан. Новый. Не из их набора.

У Элисон было шесть высоких стаканов толстого стекла, с чуть зеленоватым отливом, купленных в Провиденсе на второй год брака, в сороковом. Этот был прозрачный, тонкий, с еле заметным ребром у доньшка. Хороший стакан. Просто не их.

Она обвела глазами кухню и поняла, что кухня вымыта. Не убрана — вымыта. Пол блестел так, как он блестел два раза в год, когда она бралась за него всерьёз. Ручки шкафчиков были протёрты — все, включая ту, нижнюю, за которую никто никогда не брался. И над этим всем стоял слабый, почти выветрившийся, очень чистый запах: дезинфектант, тот, что в белых больничных канистрах, лимонный и одновременно металлический.

Элисон присела на корточки у нижнего края тумбы. Между плинтусом и полом, в миллиметровой щели, куда не достаёт никакая тряпка, было тёмное пятнышко размером с булавочную головку.

Она потрогала его ногтем. Ноготь стал бурым.

В дверь позвонили.

Их было двое, и они были очень вежливые.

Белая форма, мягкая, без единой складки, с маленьким серым знаком на груди: круг с точкой в центре. Машина у калитки — белый фургон «Архив Сервис», из тех, что стояли у каждого второго дома по вторникам, потому что по вторникам делали профилактику устройств.

Старшего звали Маркус Финн. Элисон знала его в лицо: он два года подряд судил конкурс пирогов на ярмарке и всегда отдавал первое место Дорис, что было честно, потому что Дорис действительно печёт лучше всех.

— Миссис Кемп, — сказал Финн и улыбнулся. — Не беспокойтесь. Ситуация уже под контролем.

— Какая ситуация?

— Всё в порядке, — сказал он мягко и посмотрел на неё внимательно и тепло. Так смотрит хороший врач. — Как вы себя чувствуете? Вы бледная. Вы сегодня архивировались?

— Утром. А где мой муж?

Пауза.

Пауза была короткая, не больше секунды. Но Элисон восемь лет работала с детьми, у которых нарушена речь, и научилась слышать не слова, а промежутки между ними. Эта пауза была не растерянностью. Это была пауза выбора формулировки.

— Ваш муж сейчас находится в процессе восстановления, — сказал Финн.

— Что это значит?

— Это значит, что через несколько часов он придёт домой и всё будет хорошо. — Он сделал полшага в прихожую, не переступая порога. — Миссис Кемп, вы позволите? Мы бы хотели убедиться, что с вами и с Дэвидом всё в порядке. Это займёт минуту.

Второй, помоложе, уже стоял у окна и разговаривал с Дэвидом — тихо, дружелюбно, как разговаривают с младшим братом. Видимо они были знакомы, Дэвид смеялся.

Финн задал Элисон девять вопросов. Она их запомнила. Как вы спите. Едите ли вы с удовольствием. Бывает ли у вас чувство, что что-то не так, хотя ничего не случилось. Есть ли у вас интерес к прежним занятиям. Не кажется ли вам, что окружающие изменились. Не хочется ли вам побыть одной. Как часто вы принимаете препарат. Не забываете ли вы. Не хотите ли вы поговорить с кем-нибудь из службы — просто так, без повода.

Про Майкла он не спросил ни разу.

Уходя, он обернулся на кухню, на сушилку, на новый стакан — и Элисон могла бы поклясться, что он на него посмотрел, — и сказал:

— У вас очень чисто. Вы очень хорошая хозяйка.

3. Шрам

Майкл пришёл в десять минут двенадцатого.

Он вошёл, как входил всегда: сначала ключи в чашку у двери, потом ботинки носками к стене, потом «я до-о-ома» с той дурацкой интонацией, которая у него была ещё в двадцать шесть лет.

Элисон стояла в проёме кухни и смотрела на своего мужа.

Он был абсолютно целый. Здоровый, румяный, чуть растрёпанный. В той же рубашке — нет, не в той же: рубашка была того же цвета, но с другими пуговицами. Он подошёл, обнял её, и от него пахло его шампунем и чем-то ещё, очень слабо, новым, как пахнет новая одежда.

— Прости, — сказал Майкл. — Кажется, я сегодня немного устал.

— Где ты был?

— В сервисе. — Он пожал плечами, отпустил её и полез в холодильник. — Что-то голова закружилась, я, видимо, испугался и упал. Приехали ребята, всё сделали. Я не помню, если честно. Но сейчас я как новый. Спасибо архиву. Сработало.

Он сказал это буднично и бодро, как говорят «поменял колесо». И потом выпрямился со стаканом молока в руке — с новым, тонким, не из их набора, — и повернулся к свету.

И Элисон увидела шрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.